

Маленькая читательница

Интересные люди эти папы и мамы. Собственного ребёнка, пусть он и самый отвратный зануда, какого вы только можете себе представить, они считают просто чудом природы.

Некоторые родители идут ещё дальше. Они так ослеплены обожанием, что ухитряются убедить себя, будто в их ребёночке заметны черты гениальности.

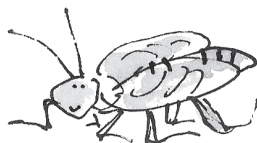
Ну и что, и подумаешь, и кому какой от этого вред. Так мир устроен. Но когда эти самые родители начинают рассказывать об изумительных качествах собственного противного отпрыска нам, вот тут уже самое время завопить: «Скорей несите тазик! Нас сейчас стошнит!»

Школьным учителям вечно приходится с кро­тостью выслушивать подобную чепуху от счаст­ливых и гордых родителей — сущая пытка! — но уж они и отыгрываются, когда настаёт срок писать об итогах за четверть. Будь я, например, школьным учителем, я бы, конечно, стряпал са­мые сокрушительные, самые едкие отзывы об этих обожаемых детках. «Такого тупицы, как ваш сын Максимилян, — писал бы я, — ещё свет не ви­дывал. Хочу надеяться, что у вас есть семейный бизнес, куда вы его и приткнёте по окончании школы, потому что ни на каком ином поприще, могу спорить на что угодно, работы ему не видать, как своих ушей». Или, будь я случайно в более

лирическом настроении, я, наверно, высказался бы так: «Удивительно, но факт: слуховые органы у кузнечиков расположены по обе стороны от брюшка. Ваша дочь Ванесса, судя по тому, что она усвоила за истёкшую четверть, слуховыми органами вовсе не обладает». Я даже мог бы, ещё глубже зарывшись в естествознание, написать: «Периодическая цикада шесть лет томится личинкой в подземной тьме и только шесть дней после этого вольно порхает, наслаждаясь солнцем и воздухом. Ваш сын Уилфрид шесть лет протомился в нашей школе в виде личинки, а мы всё

ждём не дождемся, когда же он наконец примется вольно порхать». Какая-нибудь особенно вредная девчонка меня, возможно, побудила бы сообщить:

«Ваша дочь Фиона сверкает ледяной красотой, в точности как айсберг, но, в отличие от айсберга, у неё под блестящей поверхностью ровнёхонько ничего не тает». Думаю, я не без удовольствия строчил бы эти отчёты о поганцах из моего класса. Но хватит, проехали. Нам пора продолжать.

Иногда встречаются родители ну совершенно противоположного склада, эти вообще без всякого интереса относятся к собственным детям, и вот они-то, конечно, гораздо хуже, чем родители обожающие. Мистер и миссис

Мухомор принадлежали как раз к числу таких родителей. У них было двое детей — сын Майкл и дочь Матильда, и на Матильду они смотрели буквально как на болячку. Уж такая болячка вещь: вам приходится покорно с нею жить и ждать, когда же наконец можно будет её скovyрнуть и от неё избавиться. Мистер и миссис Мухомор просто мечтали о том времени, когда они наконец смогут избавиться от Матильды и отправить её, скажем, в соседний округ, а лучше бы и вообще куда подальше.

Очень плохо, конечно, если родители смотрят на обыкновенных детей так, будто те — болячки

или мозоли, но гораздо, гораздо хуже, если ребёнок необыкновенный, то есть наделён исключительно нежной душой и на редкость одарённый. В Матильде сочетались оба эти качества, но особенно разительно она отличалась от всех прочих маленьких детей своими способностями. Она так быстро соображала, так всё схватывала на лету, что даже самые слабоумные родители, кажется, не могли бы этого не заметить. Но мистер и миссис Мухомор были до того бестолковы, до того поглощены своими дурацкими, никчёмными делишками, что ничего особенного в своей дочери не замечали. По правде говоря, я даже не уверен, что, вползи она в дом со сломанной ногой, они бы это заметили.

Майкл, брат Матильды, был мальчик как мальчик, самый обыкновенный, но сестра — сестра, как я уже сказал, была такая девочка, такая девочка, что даже не верится! В полтора года она прекрасно говорила и знала столько же слов, сколько и большинство взрослых. А родители, вместо того, чтобы радоваться, восхищаться и нахваливать — обзывали её болтушкой, трещоткой, балаболкой и резко ей выговаривали в том смысле, что маленьких девочек должно быть видно, но не слышно.

В три года Матильда начала читать, разглядывая газеты и журналы, разбросанные по дому.

В четыре года она уже бегло читала и, естественно, затосковала по книгам. Из них в просвещённом семействе выискалась одна, настольная книга миссис Мухомор — «О быстром и лёгком приготовлении пищи», и когда Матильда прочитала её от корки до корки и выучила наизусть все рецепты, то поняла, что ей бы хотелось чего-нибудь поинтересней.

— Папа, — попросила она как-то раз, — может, купишь мне книжку?

— Книжку? — удивился он. — Это ещё, спрашивается, зачем?

— Чтобы читать, папа.

— Да чем тебе телик не угодил? Слава тебе господи, телик у нас отличный, телик — грех жаловаться, двенадцатидюймовый экран, а ей книжку подавай! Совсем ты у нас избаловалась, дочка!

Почти каждый будний день Матильда оставалась дома одна. Брат (на пять лет её старше) уходил в школу. Папа отправлялся на работу, а мама — играть в бинго в Эйлсбери, за шесть километров от дома. Миссис Мухомор искренне, всей душой была предана бинго и играла в него пять дней на неделе. Так вот, когда папа отказался купить Матильде книжку, в тот же самый день, только попозже, она взяла и пошла, совсем одна, в местную публичную библиотеку. Матильда вошла, поздоровалась с библиотекаршей миссис Фелпс, назвала свои имя и фамилию. И спросила, можно ли тут посидеть и почитать какую-нибудь книжку. Миссис Фелпс слегка удивилась, что такая маленькая девочка явилась одна, без родителей, но тем не менее сказала, что, мол, милости просим, заходи и располагайся.

— А где тут, скажите, пожалуйста, детские книги? — спросила Матильда.

— Вон они, там, на нижних полках, — сказала миссис Фелпс. — Может, я помогу тебе выбрать, где картинок побольше?

— Нет, спасибо, — сказала Матильда. — Лучше я, наверное, сама поищу.

И с тех пор каждый день, после обеда, когда мама играла в бинго, Матильда шла в библиотеку. Библиотека была от дома всего в десяти минутах ходьбы, так что можно было целых два часа спокойно сидеть в уютном уголке и поглощать книгу за книгой. Покончив со всеми детскими книгами, какие стояли на полках, со всеми до единой, Матильда стала искать, что бы такого ещё почитать.

Миссис Фелпс две недели с изумлением наблюдала за Матильдой и теперь встала со своего места и направилась к ней.

— Тебе помочь, Матильда? — спросила она.

— Я вот думаю, что бы мне такого ещё почитать, — сказала Матильда. — Детские я все уже кончила.

— То есть ты все картинки пересмотрела?

— Картинки тоже, но и сами книжки прочитала.

Миссис Фелпс смотрела на Матильду с высоты своего роста, а Матильда снизу смотрела на неё.

— Некоторые никуда не годятся, по-моему, — сказала Матильда, — но есть и очень хорошие. Больше всего мне понравился «Таинствен-

ный сад». В нём столько тайн. Тайна комнаты за этой запертой дверью, тайна сада за высокой стеной.

Миссис Фелпс была ошарашена.

— Сколько, ты сказала, тебе лет, Матильда? — еле выговорила она.

— Четыре года и три месяца, — сказала Матильда.

Миссис Фелпс ещё больше изумилась, но, как женщина умная и тактичная, решила не показывать виду.

— Ну и какую же книжку ты хотела бы теперь почитать? — спросила она.

И Матильда сказала:

— Хотелось бы какую-нибудь очень хорошую, какую взрослые читают. Знаменитую какую-нибудь. Только я же фамилий совсем никаких не знаю.

Миссис Фелпс долго стояла молча, окидывая взглядом стеллажи. На сей раз она и сама не знала, что лучше выбрать. Ну как, спрашивала она себя, как выбрать знаменитую взрослую книгу для четырёхлетней малышки? Мелькнула мысль о каком-нибудь чувствительном романчике, какие сочиняются специально для старшеклассниц, но что-то заставило её пройти мимо этой полки.

— На вот, попробуй, — сказала она наконец. — Это очень-очень знаменитая и очень-очень хорошая книга. Если она для тебя слишком длинная,

ты только скажи, я мигом подыщу что-нибудь полегче и покороче.

— Чарльз Диккенс, — прочитала Матильда. — «Большие надежды». Ой, я с удовольствием попробую.

«Я, кажется, спятила», — решила миссис Фелпс, но Матильде она сказала:

— Ну да, попробуй, конечно.

Следующие несколько дней миссис Фелпс глаз не спускала с маленькой девочки, часами

сидевшей в громадном кресле в дальнем углу комнаты с книгой на коленях. Матильда клала её на колени, потому что невозможно удержать в руках такую тяжесть, когда вам всего четыре года, и приходится гнуться над страницами. Странное это было зрелище: крошечная темно-волосая девчушка сидит себе в кресле, ножки далеко не достают до пола, уж какое там, и поглощена необыкновенными приключениями Пипа и старой мисс Хэвишем так, будто сама переселилась в их старый, обветшалый домик, в удивительный мир, сплетённый из слов великого чародея Чарльза Диккенса. Она сидела не шевелясь, только время от времени поднимала ручку, чтобы перевернуть страницу, и миссис Фелпс всякий раз делалось грустно, когда приходило время подниматься со стула и говорить:

— Уже без десяти пять, Матильда.

В первую же неделю знакомства миссис Фелпс её спросила:

— Мама, конечно, тебя сюда провожает каждый день, а потом встречает и отводит домой?

— Моя мама каждый день ездит в Эйлсбери играть в бинго, — ответила Матильда, — она и не знает, что я сюда хожу.

— Ах, как нехорошо, — сказала миссис Фелпс. — По-моему, лучше спросить у неё разрешения.

— Лучше не надо, — ответила Матильда. — Мама не одобряет чтения книг. И папа тоже.

— Но что же ты, по их мнению, делаешь изо дня в день одна в пустом доме?

— Да ничего я, по их мнению, не делаю, сижу телик смотрю.

— Понятно.

— Вообще-то ей всё равно, что я делаю, — немного печально прибавила Матильда.

Миссис Фелпс даже представить себе было страшно, как такая кроха одна-одинёшенька ходит по оживлённой главной улице, как переходит через дорогу, но она решила не вмешиваться.

За неделю Матильда одолела «Большие надежды», в которых — в этом издании — было четыреста одиннадцать страниц.

— Мне понравилось, — сказала она миссис Фелпс. — А больше мистер Диккенс ничего не написал?

— Он очень много чего написал, — ответила ошарашенная миссис Фелпс. — Подыскать тебе ещё книжку?

За следующие полгода, под внимательным и сочувственным присмотром миссис Фелпс, Матильда прочитала такие книги:

«Николас Никлби» Чарльза Диккенса,
«Оливер Твист» Чарльза Диккенса,
«Джейн Эйр» Шарлотты Бронте,

«Гордость и предубеждение» Джейн Остин,
«Тесс из рода д'Эрбервиллей» Томаса Харди,
«Ким» Редьярда Киплинга,
«Человек-невидимка» Герберта Уэллса,
«Старик и море» Эрнеста Хемингуэя,
«Шум и ярость» Уильяма Фолкнера,
«Гроздь гнева» Джона Стейнбека,
«Добрые товарищи» Джона Пристли,
«Брайтонский леденец» Грэма Грина,
«Скотный двор» Джорджа Оруэлла.

Ничего себе список! Миссис Фелпс была потрясена, взбудоражена, но хорошо, наверное, что она сумела не потерять над собой контроль. Любой другой, видя такие поразительные успехи маленького ребёнка, конечно, поднял бы дикий шум и растрепал бы эту новость по всему городку и даже дальше. Любой другой, но только не миссис Фелпс. Она была из тех, кто никогда не суёт нос не в своё дело, и уже давно усвоила, что только в очень-очень редких случаях стоит вмешиваться в процесс воспитания чужих детей.

— Мистер Хемингуэй говорит много всего такого, чего я не понимаю, — призналась ей Матильда. — Про мужчин и женщин особенно. Но мне всё равно нравится. Нравится, как он пишет. Как будто я там сама стою и всё-всё вижу, что происходит.

— С хорошими писателями всегда так, — сказала миссис Фелпс. — И ты не волнуйся насчёт того, что не поняла. Сиди себе, и пусть слова плещутся вокруг, как музыка.

— Да, да, конечно, — согласилась Матильда.

— Ты, кстати, не знала, что из нашей библиотеки можно брать книги домой и там читать?

— Не знала. Ой, и мне тоже можно?

— Конечно, — ответила миссис Фелпс. — Выбери любую книгу, носи её сюда, я сделаю запись — и она твоя на две недели. Если хочешь, можешь выбрать даже не одну.

С тех пор Матильда ходила в библиотеку всего раз в неделю — вернуть прочитанные книги и взять новые. Собственная крошечная комнатка её превратилась для неё в читальню, и она читала

весь день напролёт, часто с кружкой горячего шоколада под боком. Из-за малого роста Матильда ни до чего на кухне не могла дотянуться, но она припрятала у себя небольшой ящичек, брала его, когда надо, на кухню и, вставая на этот ящичек, могла достать с полок всё что душе угодно. Чаще всего это был шоколад, который она готовила, предварительно разогрев на плите молоко в кастрюльке. Как это приятно — взять дымящееся питьё с собой в комнату, и чтоб стояло рядышком, наготове, пока ты сидишь и читаешь, одна в тихой комнате, в пустом доме. Книги уносили Матильду далеко-далеко, знакомили с удивительными людьми, у которых была невероятная жизнь, полная невысказанных приключений. Матильда всходила на борт старинного парусника с Джозефом Конрадом. Уплывала в Африку с Эрнестом Хемингуэем и в Индию с Редьярдом Киплингом. Она плавала и колесила по всему миру, не выходя из своей комнатки в английском захолустном городишке.